

Аксенов

Кукушкин карнавал

Василий Аксенов доказал, что
жизнь писателя — литература

2-8 авг. 2001

Поиски жанра, которые так долго вел Василий Аксенов, похоже, завершены. Новый роман писателя «Кесарево свечение», о жанровом многообразии которого не упомянул разве что ленивый, и есть финал этих поисков: драматургия и поэзия, фантастика и реализм — чего там только нет, в этом романе.

«Итак, с чего же начнем? — вопрошает автор в первых строках романа. — С диалога, что ли? Почему бы и нет? Немалые ведь вещи начинались с диалогов». Роман Аксенова вообще представляет собой постоянный диалог. Диалог с прошлым. Говорящая фамилия одного из главных героев — Стаса Ваксина, знаменитого романиста, профессора американского университета, не оставляет места для сомнений. Знакомый с литературной биографией Аксенова читатель все поймет, лишь прочтя поэтические строки: «Оттепель, март, шестьдесят третий./ Собираете гадов за стенкой Кремля. / Там, где гуляли опричников плети, / ныне хрущевские речи гремят».

Но «Кесарево свечение» — диалог не просто с прошлым, а с прошлым литературным. С произведениями, которые, может быть, хочется переписать наново. Вот и история про Кукушкины острова — наново переписанный «Остров Крым». Метафора новой России, капиталистического чуда, оторванного от коммунистического материка, не оправдалась. Капиталистическое чудо, сгенерированное коммунистами, и есть Кукушкины острова, где представлены все внешние атрибуты капитализма. Разжиревшие хозяева жизни, перешедшие в жизнь нынешнюю из жизни прошлой, не вызывают ничего, кроме отвращения. Советская литературная тусовка, теперь уже кукушкинская, обступает Ваксина, всячески похлопывает его по плечу и то демонстрирует снисхождение, то заискивает. Читаешь про острова и премудрых пескарей, которые водятся в окружающем их водоеме, и понимаешь, что прав был Хемингуэй: мы ничему не научаемся.

Аксеновское «Кесарево свечение», несмотря на фантазмагоричность первого уровня, — настоящий роман без вранья. Нет сомнения, что множество богемных литературных персонажей узнают себя в сонме героев, вьющихся тучами, сталкивающихся, расходящихся, перескакивающих, как поезда в годину катастроф, с одной сюжетной линии на другую. Аксенов необыкновенно свободно обращается с условностями. С поразительной легкостью и честностью он вбрасывает в романский котел новых и старых персонажей и, подобно хирургу, проделывающему показательную операцию на трупе, комментирует свои действия: «Теперь мы оставим этого молодого человека здесь». Изоб-

разительный, темпоритмический, кинематографический прием. Он может быть одновременно и автобиографическим: «Я снял с принтера первую часть и, не перечитывая, сразу вошел во вторую, чтобы фиксировать себе брэкфест, говоря по-эмигрантски». «Вошел во вторую» — это двойной выстрел: калька с английского и буквально — вышел из образа Василия Аксенова и вошел в образ Стаса Ваксина. Такие превращения способны избавить расхожее выражение «Жизнь писателя — это литература» от ненужной напыщенности и фальши.

Карнавал и диалог — два фундаментальных понятия, сформулированных великим Бахтиным. Романы Аксенова и в особенности «Кесарево свечение» являют собой примеры литературного воплощения этих понятий. Карнавальная литература — не ее ли примером является все, что происходит на Кукушкиных островах? Переход из прозы в поэзию, из реальности в вымысел — это ли не карнавал? Свободное движение персонажей внутри романного пространства — это ли не карнавал? В конце концов, и сам писатель Василий Аксенов, свободно и легко перемещающийся внутри собственных произведений, общающийся с вымышленными им же персонажами — не становится ли и он карнавальным персонажем? В конце концов, «Кесарево свечение» — запись диалога профессора Аксенова с писателем Аксеновым. Не зря в самом романе раздвоение литературно материализовано: Влас Вакасов — писатель, Стас Ваксина — профессор.

Главная метафора романа — метафора кесарева свечения — также итог диалога. Старый сочинитель Ваксина и молодой Славка Горелик, из new russians, но не бандит, а байронит, впитавший в себя всю вольную бесшабашность 60-х, причем впитавший вопреки молоку матери (родители — партфункционеры), а иначе и не может быть в случае с человеком, рожденным неестественным способом кесарева сечения. И этот диалог постаревшего байронита с молодым, этот постоянный контакт, о котором Аксенов начал писать еще в «Острове Крым», выведя Лучникова-сына и Лучникова-отца, — этот диалог должен наконец состояться не только как факт литературы, но и как факт жизни. Ибо, согласно поверью, дети, рожденные кесаревым сечением, лишены страха, им не надо выдавливать из себя раба, они пойдут вперед, в новую жизнь, к светлому, беспорочному, нормальному существованию, и новая Россия, рожденная кесаревым сечением, возможно, будет удачливее монструозного государства, более всего жадного до крови не чужих, а именно своих детей.